

УДК 94 (470)

Г. В. Кретинин**ТРИУМФ И ТРАГЕДИИ ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ**

Рассмотрен спорный вопрос о роли российских генералов в Гумбинненском сражении 1914 г. и в целом в операциях русских войск в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. Проанализированы взаимоотношения генералов П. К. Ренненкампа и Н. А. Епанчина на фоне боевой деятельности русских войск на начальном этапе Первой мировой войны.

This article explores the contentious issue of the role of Russian generals in the Gumbinnen battle of 1914 and the operations of Russian army in East Prussia in 1914–1915. The relations of Generals Pavel Rennenkampf and Nikolai Yepanchin are analysed in the context of the military activities of Russian troops at the initial stage of the First World War.

111

Ключевые слова: Первая мировая война, Гумбинненское сражение, П. К. Ренненкампф, Н. А. Епанчин.

Key words: First World War, Gumbinnen battle, P. Rennenkampf, N. Yepanchin.

Двадцатого августа 1914 г. вблизи восточнопрусского городка Гумбиннен произошло приграничное сражение между российскими и немецкими войсками, итоги которого, по распространенному в отечественной историографии мнению, оказали решающее влияние на общий ход Первой мировой войны. В частности, К. А. Залесский утверждает, что «победа русских войск под Гумбинненом... стала исходной точкой изменения всего хода Первой мировой войны буквально в первые ее дни» [1, с. 55].

В то же время эта победа до настоящего времени практически безымянна. Очевидно, что назвать ее творцом можно русского солдата, вынесшего на себе всю тяжесть сражения. Однако любое сражение — это определенным образом организованное действие. Советская историография не скрывала перечень военачальников Восточно-Прусской операции 1914 г. [2, с. 607–612], однако чаще всего речь шла об одном полководце.

Шестидесятилетний генерал от кавалерии Павел Карлович Ренненкампф имел богатый боевой опыт. Ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней он получил еще в 1900 г. за участие в Китайской кампании, отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В условиях военного времени Ренненкампф принял решительные меры для восстановления нарушенного в ходе революционных событий движения по Транссибирской магистрали. Заслуги были отмечены высшими воинскими званиями: к генералу от кавалерии добавилось звание генерал-адъютант [3, с. 191–192].

Ренненкампф имел прямое отношение к Гумбинненской операции — именно в полосе действия его армии произошло сражение. Первая рус-

ская армия вторглась в Восточную Пруссию на фронте более 70 км от Владиславова (ныне Науместис, Литва) до Мазурских озер. В сражении приняли участие все корпуса (3, 4 и 20-й), входившие в состав армии. Однако наиболее активная часть сражения пришлась на долю 3-го корпуса (к 1913 г. его основу составили 25-я и 27-я пехотные дивизии). Командир корпуса уделял боевой подготовке вверенных ему соединений особое внимание, корпус в целом считался на северо-западном театре военных действий одним из лучших. Командование им было передано генералу от инфантерии Николаю Алексеевичу Епанчину [4, л. 22], человеку незаурядному и познавшему впоследствии на восточнопрусских полях и военную удачу, и горечь поражений.

Потомственный дворянин Новгородской губернии, Н. А. Епанчин родился в 1857 г. Интересный факт: высший генералитет русской армии, особенно на начальном этапе Первой мировой, имел в основном солидный возраст — старше 55 лет [2, с. 607–612]. Не потому ли не выдвинулись действительно яркие личности, способные в годы Гражданской войны сплотить и повести за собой россиян во имя сохранения Отечества? Принадлежность к знаменитому роду (только в XIX в. в нем насчитывалось два полных адмирала, контр-адмиралом стал и отец Николая Алексеевича [5, с. 9]) помогла Епанчину, нарушившему семейную традицию, стать полным пехотным генералом.

Блестящая служба: сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, затем командование этим полком, назначение в свиту Его Императорского Величества, командование привилегированным Пажеским корпусом... Однако Епанчин продвигался по служебной лестнице не только в силу знатного происхождения. Его фамилия была занесена на мраморную доску выпускников 1-го военного Павловского училища. С честью и достоинством, проявляя храбрость, он воевал с турками в Болгарии в 1877–1878 гг. и был награжден двумя орденами. Академию Генерального штаба он закончил по первому разряду (по нынешним меркам — диплом с отличием). За отличные успехи в науках во время обучения в академии в 1882 г. он был поощрен «годовичным жалованьем по чину из основного оклада», а при выпуске из академии получил «300 рублей на первичное обзаведение лошадей со всей принадлежностью». Увлекала его наука и позже: в 1895 г. за «Очерк действий западного отряда генерала-адъютанта Гурко» Епанчин был удостоен благодарности императора Николая II, а затем премии Академии Генерального штаба. В 1908 г. Императорская академия наук наградила генерала Епанчина Большой премией за «Очерк похода 1829 г. в Европейскую Турцию» [4, л. 17, 19, 22]. Впрочем, впоследствии склонность к историческим обобщениям сыграла в судьбе Епанчина трагическую роль.

Будучи назначен в войска, вначале он командовал пехотной дивизией, а затем получил под свое начало армейский корпус. Боевая деятельность этого корпуса на территории Восточной Пруссии делится на два периода: лето — осень 1914 г. и зима 1914/15 г.

До настоящего времени продолжают споры вокруг роли Ренненкампа и Епанчина в Гумбинненском сражении.

Епанчин в воспоминаниях, естественно, отмечает свою ведущую роль в организации контратаки немецких боевых порядков 20 августа 1914 г. Он сообщает, что не согласился с начальником штаба 1-й армии генералом Милеантом, пытавшимся от имени командующего армией отменить решение о контратаке. Ренненкампф, присутствовавший на командном пункте 3-го корпуса, по словам Епанчина, был растерян, а решение перейти в наступление (впрочем, как и последующее — прекратить преследование отступающего противника) принимал командир корпуса [5, с. 407–408].

Генерал А. П. Будберг излагает эти обстоятельства несколько иначе: Ренненкампф, прибыв в штаб корпуса, наоборот, утвердил решение Епанчина [6, с. 6]. Надо отдать должное последнему: действовал он вполне профессионально, смог организовать управление дивизиями и в целом не выпускал из рук руководства боем. К недостаткам генерала, по мнению русского военного историка А. А. Керсновского, следует отнести нерешительность, проявленную им при преследовании отступавшего противника [7, с. 186].

В августе 2014 г. в Гусеве (бывшем Гумбиннене) была открыта мемориальная доска генералу П. К. Ренненкампфу. Звучали слова благодарности командующему армией как организатору победы, генерал Епанчин не упоминался вовсе. Однако лавры победителя надо было передать Епанчину — все-таки он руководил действиями 3-го корпуса. В сражении участвовали и другие соединения, руководство всем армейским механизмом пришлось на командование армии (другое дело, насколько удачным было это руководство). Следует отметить и опосредованный вклад Ренненкампфа в успех русских войск под Гумбинненом. Важнейшую роль в победе сыграли 25-я и 27-я пехотные дивизии, которые он готовил к войне, будучи командиром 3-го корпуса. При вторжении в Восточную Пруссию они понесли большие потери, затем были восстановлены, но слаженности и мастерства, проявленных 20 августа 1914 г., им добиться уже не удалось.

Последующие действия командующего 1-й армией генерала Ренненкампфа в Восточно-Прусской операции получили в отечественной историографии негативную оценку. Известные военные историки А. Зайончковский, А. Коленковский, А. Строков наряду с отмеченными идеологичностью определениями генерала как «предателя», «беспринципного и безжалостного самодура», характеризовали его самого и стиль его руководства войсками так: «пассивный», «осторожный», «бездеятельный», «малодушное полководчество», «преступная безграмотность» и др. [8, с. 148; 9, с. 187, 211, 217; 10, с. 237].

Известно, что немецкое командование после разгрома 2-й армии генерала Самсонова сосредоточило свои усилия на попытке окружения войск 1-й армии генерала Ренненкампфа в среднем течении р. Неман [8, с. 205]. Начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Э. Людендорф впоследствии писал: «Мы хотели, насколько окажется возможным, прижать русских к Неману. Но одновременно нужно было считаться с тем, что Ренненкампф... был в состоянии перейти в энергичную контратаку» [11, с. 61].

Людендорф был прав. Его противник, оценив опасность, исходившую от немецких войск на левом фланге русских, быстрым рокадным движением направил туда со своего правого фланга наиболее боеспособный в тот момент 20-й армейский корпус под командованием генерала В. В. Смирнова. Совместно с соединениями 2-го армейского корпуса генерала В. А. Слюсаренко русским войскам удалось укрепить свои позиции и обеспечить планомерный отход основных сил армии к границе. Действия русских войск были настолько успешными, что Ренненкампф 10 сентября предложил командующему Северо-Западным фронтом генералу Я. Г. Жилинскому остановить отход и перейти в наступление. Жилинский, напротив, требовал скорейшего отступления, причем не только к границе, но даже за Неман [2, с. 386], так что Людендорфу повезло.

Ренненкампф на приказ Жилинского ответил, сдерживая себя и соблюдая военную этику: «Как подчиненный военнотрудовой, конечно выполняю... Самое трудное и тяжелое — это даже говорить об отходе за Неман; после этого отхода и думать нельзя будет о каком-то успешном наступлении. Войска потеряют всякую веру в себя и своих начальников... Хотя мы понесли тяжелые потери, но большинство частей к бою вполне способны. Сегодня ходили в штыки и завтра пойдут, если нужно. Отойдя же за Неман, они на это уже не будут способны» (цит. по: [2, с. 389]).

Попытка немцев разгромить 1-ю армию оказалась безуспешной. Генералу Ренненкампфу удалось сорвать их замысел и вывести (хотя и ценой больших потерь) свою армию из Восточной Пруссии вполне боеспособной. Современный английский историк Джон Киган пишет: «Ренненкампф начал отступление с боем, через озера и выше (по географической широте. — Г. К.), перебрасывая силы с фланга на фланг, туда, где возникала необходимость в подкреплении. Тринадцатого сентября Ренненкампф *со всей армией* пересек границу, преследуемый немцами» [12, с. 185].

Войска 3-го армейского корпуса, действовавшие на кёнигсбергском направлении по левому берегу р. Прегель, особо себя не проявили, но и неудач не испытали. Епанчин продолжал командование корпусом и к середине сентября успешно вывел свои войска вместе с другими корпусами из-под удара немецких войск.

Вскоре после Восточно-Прусской операции 1914 г. пути двух генералов разошлись, но последующие их судьбы оказались трагическими.

Новый командующий фронтом генерал Н. В. Рузский заставил все-таки 1-ю армию отойти за р. Неман. Но 28 сентября 1914 г. русские войска начали новое наступление, получившее название «Второй поход в Восточную Пруссию». Русские войска уже не могли с этого направления оказывать решающее влияние на судьбу всей войны, и новая операция вскоре превратилась во второстепенное действие как для немецких, так и для русских войск. Командование Северо-Западным фронтом сосредоточило свои усилия на Варшавском направлении, перебросив туда значительную часть своих сил. Генерал Ренненкампф в той же

должности командующего 1-й армией принял участие в Лодзинской операции 1914 г. Перед убытием к новому месту службы он написал Епанчину письмо: «Уважаемый Николай Алексеевич! Волею судеб расстаюсь с Вами и со славными войсками Вашего корпуса. От души желаю Вам и всем полного успеха и полной удачи... Сердечно уважающий Вас, Ренненкампф» [13, л. 321].

Под Лодзью ему не удалось подтвердить свои полководческие способности. По настоянию командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского он был уволен с военной службы, а в 1918 г., отказавшись перейти на сторону красных, генерал П. К. Ренненкампф погиб [7, с. 246, 349].

Генерал Епанчин, напротив, продолжил командование 3-м армейским корпусом и осенью 1914 г. вновь оказался в Восточной Пруссии. Во второй половине октября в Восточной Пруссии действовала сформированная в августе 10-я русская армия, занявшая Голдап, Шталлупёнен, Роминтенскую пуцу и полосу далее вдоль границы к междуречью рек Шешупа и Неман. В эту армию вошел и 3-й армейский корпус генерала Епанчина. Состав корпуса изменился, значительную часть его сил сформировали второочередные и крепостные соединения.

Действия разнородных сил корпуса (Вержболовской группы войск) зимой 1914/15 гг. получили название Ласдененской операции. Подробные ее описания оставили непосредственные участники А. П. Будберг и И. А. Хольмсен [14; 16]. Н. А. Епанчин в воспоминаниях широко цитирует своих сослуживцев, но делает это как бы в качестве оправдания [5]. Воспоминания генералов-эмигрантов отличаются излишней эмоциональностью, схожим подходом к оценке происходивших событий, повышенным вниманием к межличностным отношениям. Еще один участник операции, А. К. Коленковский, в отличие от зарубежных авторов имел возможность работать с документами Первой мировой войны, оказавшимися в советских архивах [15]. Он дал оперативно-тактический анализ всей Зимней операции 10-й русской армии в Восточной Пруссии на рубеже 1914—1915 гг. Создание комплексного труда, в котором с учетом современных знаний было бы рассказано не только о столкновении боевых порядков сражавшихся армий, но и о противостоявших стратегиях на театре военных действий, остается насущной задачей для нашей науки.

Ласдененская операция для русских войск оказалась неудачной. Причины понятны: откровенно плохое руководство войсками со стороны командования как Северо-Западным фронтом, так и 10-й русской армией, потеря управления войсками, плохая разведка, очевидные провалы в материально-техническом обеспечении и др. А. А. Керсновский откровенно назвал эту операцию «бессмысленной» [7, с. 265]. Однако никто из исследователей не отрицал, что оперативная обстановка требовала обеспечить фланги как немецкой, так и русской армии на левом берегу р. Неман. Здесь интересы противников столкнулись, вопрос заключался только в одном: кто кого опередит. Опередили немцы.

Немецкое командование сосредоточило свои усилия на разгроме обоих флангов 10-й армии и выходе в ее тыл и добилось успеха. Но если в районе Августова очевидны просчеты русского командования,

«потерявшего» разгромленный 20-й корпус, то на правом фланге русских ситуация была иной. Вержболовская группа генерала Епанчина, стараясь обеспечить выполнение оперативного замысла русского командования на начало 1915 г., заключавшегося в занятии Восточной Пруссии до Вислы [5, с. 411], еще в декабре предыдущего года приступила к подготовке условий для будущего наступления. Епанчину предстояло занять Ласдененский лесной массив и междуречье Инструч — Шещупа.

Втянувшись в затяжные, изматывающие бои, в тяжелых зимних условиях, на растянутом почти до 90 км фронте, не имевшая резервов Вержболовская группа к февралю 1915 г. практически утратила свою боеспособность. Хольмсен называл состав этой группы «разношерстным», «сумбурной кашей» [Там же, с. 415]. Командир одного из отрядов, наступавших на Ласденен, полковник Бискупский, доносил: «У меня страшно трудный отряд и приходится воздействовать на психику людей, чтобы привести их в мало-мальский порядок» [17, л. 44].

Немецкое командование опередило русских, и 7 февраля начало наступление на группу войск генерала Епанчина превосходящим числом. Силы были неравными, и Епанчию пришлось отвести основную часть своих войск за Неман, в Ковно. Одновременно открывался для удара правый фланг соседнего с Вержболовской группой 20-го корпуса под командованием генерала Булгакова, который в результате был разгромлен. Одним из виновников поражения русских войск и значительной утраты территории был назван генерал Епанчин. Его отстранили от командования корпусом и назначили в распоряжение начальника Двинского военного округа [18, л. 23].

Генерал не считал себя виновным. Некоторое время он находился в Ковно и принял решение написать записку о действиях Вержболовской группы (прежде ему приходилось описывать исторические события, теперь же — то, что произошло при его непосредственном участии). Ему удалось получить на руки копии боевых документов, на основании которых он изложил ход боевых действий в период с 25 января по 13 февраля. Епанчин подчеркивал, что, передавая факты, он не критиковал действия вышестоящего командования (армии, фронта, Ставки). Но тут он противоречил себе, ибо сами «факты говорили очень ясно о том, как совершались события» [5, с. 440—441].

Факты же свидетельствовали, что идея занятия Восточной Пруссии принадлежала Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, дяде императора. Своим влиянием он заставил воспринять эту идею командующего фронтом генерала Рузского, через последнего — командарма Сиверса. Не обеспеченная надлежащим образом операция оказалась обречена на неудачу. Виновниками катастрофы были не Епанчин, Булгаков и другие военачальники более низкого звена, хотя они тоже допускали ошибки.

Епанчин черновик своей записки отправил в Петроград, попросил размножить в 20 экземплярах и распространил их среди влиятельных лиц («самиздат» был популярен всегда). В их числе были мать императора императрица Мария Фёдоровна, великий князь Сергей Михайлович. Попала записка и к Верховному главнокомандующему [Там же, с. 442].

В марте Верховный главнокомандующий принял решение об увольнении с действительной службы генерала Епанчина... по болезни — увольнение в отставку с правом ношения мундира и пенсией. В конце апреля начальник Генерального штаба своим письмом предложил Епанчину «воздержаться от дальнейшего распространения изданной им записки о действиях Вержболовской группы» [19, л. 3].

Однако было уже поздно. «Тираж» разошелся. Экземпляр записки не отложился даже в делах военного архива, он неизвестен до сего времени. Автор данной статьи обращался по этому вопросу к ныне здравствующему барону Э. А. Фальц-Фейну, внуку генерала, но и он ничем помочь не смог.

Между тем Верховный главнокомандующий не оставил «творческие усилия Епанчина без последствий»: 30 апреля на докладной записке военного министра «О возможности испрошения командиру III армейского корпуса генералу от инфантерии Епанчину Высочайшей милости — права ношения в отставке мундира действительной службы» он наложил резолюцию: «Верховный главнокомандующий считает, что генерал Епанчин подлежит увольнению “без мундира”». Не смог помочь Епанчину и новый главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев. На его обращение по команде последовал тот же ответ: «Верховный главнокомандующий не признает возможным награждение мундиром» [Там же, л. 1, 3].

Казалось бы, столько лет службы, награды, звания, пенсия, что еще нужно человеку? Видимо, только кадровый военный, посвятивший всю жизнь избранному делу, может понять, что означает фраза «уволить без права ношения мундира!» Епанчин тяжело переживал эту трагедию.

Летом 1916 г. он вернулся на военную службу, но участия в боевых действиях не принимал. Он находился в распоряжении командующего Одесским военным округом, занимался формированием резервов, командовал стрелковой дивизией. Тринадцатого (26) июля 1917 г. подал прошение об отставке «с мундиром и пенсией». Прошение удовлетворили, и 24 октября (6 ноября), в последний день существования Временного правительства, генерал от инфантерии Н. А. Епанчин был «уволен от службы с награждением мундиром и пенсией» [20, л. 1].

Последнее общение генералов Ренненкампа и Епанчина состоялось в письменной форме летом 1917 г. Краткая переписка была связана с Гумбинненским сражением. Как сообщил Епанчин, в военных кругах сформировалось убеждение, что за события начального периода войны в Восточной Пруссии по Георгиевскому статуту он мог получить Георгиевский крест.

Ни Епанчин, ни Ренненкампа Георгиевских крестов за Гумбиннен не получили. Епанчин 14 ноября 1914 г. был награжден орденом Белого орла с мечами [4, л. 19]. Подав в отставку, он мог обратиться в Георгиевскую думу, приложив к обращению свидетельские показания участников боя. Одним из таких свидетелей стал его непосредственный начальник генерал Ренненкампа. Епанчин пишет: «Я написал частное письмо бывшему командующему 1-й армией генералу Ренненкампу, прося его заключения. Через некоторое время я получил от него благоприятный официальный отзыв...» [5, с. 481].

Но было уже поздно, Георгиевская дума больше не заседала, и генерал Епанчин оказался без заслуженной награды.

Революцию Епанчин, как и Ренненкампф, не принял, а в 1920 г. с семьей выехал из Крыма в эмиграцию. Как и у большинства семей российских генералов за пределами России, жизнь Епанчиных была нелегкой (впрочем, у тех, кто остался на Родине, тоже). После того как Черчилль в одной из своих публикаций лестно отозвался о победе русского оружия под Гумбинненом, Н. А. Епанчин обратился к нему за помощью. Будущий премьер Великобритании ответил издевательски, что, мол, у его страны средств на такие пенсии нет, но он, Черчилль, может обратиться к Советскому правительству, оно не откажет старому генералу, Епанчин сможет вернуться в свою страну, где ему помогут (!) [21, с. 146–147].

Умер Н. А. Епанчин в 1940 г.

* * *

Как бы высокопарно это ни звучало, но творцами Гумбинненской победы следует считать генералов П. К. Ренненкампфа, Н. А. Епанчина и русских солдат. Обобщенный образ солдата представлен в городе Гусеве (бывший Гумбиннен) скульптурой «Штыковая атака» работы В. Суворцева. Отмечена память о генерале Ренненкампфе. Перед жителями Гусева остался долг: достойно увековечить память о втором генерале — Николае Алексеевиче Епанчине.

Список источников и литературы

1. Залесский К. А. Поход русской армии в Восточную Пруссию в 1914 г., спасение Франции и перелом в ходе войны: новые подходы к истории Первой мировой войны // Проблемы национальной стратегии. 2014. №3.
2. Восточно-Прусская операция: сб. док-тов. М., 1939.
3. Залесский К. А. Первая мировая война : биограф. энцикл. словарь. М., 2000.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 145–039. Л. 17–22 (Послужной список генерала от инфантерии Н. А. Епанчина от 29 января 1918 г.).
5. Епанчин Н. На службе трех императоров : восп. М., 1996.
6. Будберг А. П. Гумбиннен. Забытый день русской славы. Б. м., б. г.
7. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1994. Т. 3.
8. Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 г. Т. 1 : Кампания 1914–1915 гг. М., 1938.
9. Коленковский А. Маневренный период Первой мировой войны 1914 г. М., 1940.
10. Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.
11. Людендорф Э. Мои военные воспоминания. 1914–1918 гг. / пер. с нем. О. Моревич. Берлин, 1921.
12. Киган Д. Первая мировая война. М., 2002.
13. РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 974. Л. 321 (Письмо Ренненкампфа Епанчину, 11.10.1914).
14. Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01–08.02.1915. Сан-Франциско, б. г.

15. Коленковский А.К. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М., 1927.

16. Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г. Восп. и мысли. Париж, 1935.

17. РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 259. Л. 44 (Донесение полковника В.В. Бискупского начальнику штаба III корпуса генералу В.В. Эгерту, 28.12.1914 (10.01.1915)).

18. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 145–039. Л. 23 (Приказ командующего 10-й армией 1915 г. №131 от 06.02.1915 (19.02.1915)).

19. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 367–338. Л. 3 (Письмо начальника Генерального штаба начальнику Двинского военного округа, 25 апреля 1915 г.).

20. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 145–039. Л. 1 (Письмо из Министерства финансов, без указания адресата, 29.01.1918).

21. Кретинин Г.В. К итогам Гумбинненского сражения: еще раз об оценке У. Черчиллем победы русских войск в Восточной Пруссии 20 августа 1914 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 6.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

About the author

Prof. Gennady Kretinin, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru